

ЕДИНСТВО ЛИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ТОТРОВА

Р.Я. ФИДАРОВА, И.А. КАЙТОВА

Руслан Хадзыбатырович Тотров родился 28 сентября 1936 г. в г. Орджоникидзе. Успешно окончив Московский технологический институт пищевой промышленности в 1960 г. и получив диплом инженера, работал механиком на Орджоникидзевском мелькомбинате. Однако вскоре перешел в НИИ электронных материалов, где проработал более шести лет вплоть до 1967 г. В 1968 г. заочно окончил Литературный институт им. М. Горького при Союзе писателей СССР. И это существенно изменило его судьбу. С 1967 по 1969 гг. Тотров был ответственным секретарем альманаха «Литературная Осетия». В 1987 г. его избрали заместителем председателя правления Союза писателей Северной Осетии. В 1989 г. стал главным редактором нового журнала «Дарьял».

Первые рассказы Р. Тотрова появились в периодической печати еще в 1960 г. Членом Союза писателей СССР стал в 1976 г. Перу писателя принадлежат замечательные рассказы, повести, сказки, пьеса для детей «Силач, богач и сирота Дзиго», роман «Любимые дети», сценарии телевизионных художественных фильмов Гостелерадио Северной Осетии. Много сил и времени отдает писатель и переводческой деятельности. Так, он перевел на русский язык повести К. Дзесо-ва «Памятник и песня», рассказ У. Богазова «Слепое сердце», книжку для детей Г. Плиева «Вол и пеночка», книги Г. Бицоева «Тепло очага», «Невестка Газга» и др.

Уже с первых рассказов Р. Тотрова было ясно, что в осетинскую литературу пришел очень яркий, талантливый писатель. Произведения его полны любви к людям, к жизни, к великой нашей Родине.

В рассказе «Улыбка Нано» писатель стремится соотнести маленького челове-

ка с огромным окружающим его миром и словно хочет спросить: как они сложатся, эти далеко непростые, неоднозначные связи между ними? Чем окажется мир для маленького, растущего человека, озабоченного одним сложным вопросом: «что это вокруг меня; доброе или злое начало таится во всем том, что меня окружает» [1, 385-390]. И автор подводит и читателя, и свою маленькую героиню Нано к единственно правильному ответу: мир людей в большинстве своем добр и благодушен; он с любовью и распростертыми объятиями встречает каждого, только входящего в него юного существа; будь только достоин его, сумей только припасти для него добрую, ласковую улыбку, взгляд, жест, доброе дело, поступок, доброе решение. Таковы и другие рассказы Р. Тотрова: «Все достается победителям», «Прогулка на мотоцикле», «Духовная музыка», «Прыжок с голубой лестницы» и др.

В рассказе «Прогулка на мотоцикле» писатель показывает, как нелегко молодым людям Сяве и Гале шагнуть из радужного мира детства, а затем и из наполненного розовыми наивными мечтами периода тревожной юности в большой, полный грубости и жестоких испытаний мир взрослой жизни [1, 364-384].

Герой же другого рассказа, «Рыжее счастье», рыжий парнишка Гриша, став членом дружной рабочей бригады, тоже только делает первые робкие шаги во взрослую жизнь, познает ее, постигает ее пока непонятные ему тайны. Но есть надежда, что он не только постигнет их, не только ощутит, чего стоит жизнь под этим ярким нежным солнцем, но станет и ее строителем, полномочным хозяином, ведь в нем, в этом хрупком на вид огненно рыжем парнишке,

чувствуется настоящий мужской характер [1, 358-363].

В рассказе «Свет дальних дорог» писатель рисует образ юного шофера Хазби, проехавшего через Курскую деревню по пути в родной Алагир и встретившего бывалого шофера Кузьму, веселых и красивых, кровь с молоком щечки, девушек русской деревеньки. Эти встречи обогатили жизненный опыт юноши, дали ему новые ощущения и эмоции, новые мысли и представления об окружающем мире [1, 350-357].

...Удивительно привлекательный образ пионера Дзиу, человека живого, непосредственного и потому очень симпатичного создает писатель Р. Тотров в рассказе «Все достается победителям» [1, 265-277]. Внешне жизнь подростка проходит довольно-таки буднично и обыкновенно: нет в ней захватывающих событий, приключений, необыкновенных открытий. Как отстающий по арифметике, Дзиу получает задание на лето, в то же время все лето он добросовестно пасет овец. За арифметику он отвечает перед учительницей, за овец – перед отцом.

А вот для души – у него совершенно другая забота: он вырезает посох, – так он готовится к народному празднику Ногхор. За посох он ни перед кем не отвечает, но однако работа эта до того его захватила, что он целыми днями с завидным упорством и вдохновением отдается ей. С большой любовью, и надо заметить, большим вкусом украшает Дзиу свой посох, можно сказать, душу всю вкладывает в это дело и, конечно же, посох у пионера выходит на славу.

Есть большая мечта у Дзиу. На празднике, когда начнутся народные скачки, он собирается принять активное участие и, как ему мечтается, на этот раз обязательно победит: прошлый раз опередил его этот несносный выскочка рыжий Покач, сын дяди Таймураза. И тогда Дзиу, победитель скачек, как ему уже видится в мечтах, преподнесет этот посох в дар деду Урузмагу...

Но так получилось, что одна из овечек заблудилась, пока Дзиу довершал свой посох. И отец решил наказать сына, не пустив

его на праздник. Обычно послушный, Дзиу на сей раз решил послушаться отца, вывел лошадь и поскакал на праздник. Мать, внимательно наблюдавшая за сыном, смотрит вслед и думает, как скоро уже вырастет совсем сын ее, отцовский дом станет ему тесен, и уедет искать долю свою, она же будет стоять так и ждать его. А сын будет возвращаться, возвращаться...

Такова уж судьба матери: когда рождаются сыновья, они когда-нибудь уходят в большой мир. Вот только с чем они уйдут туда и что, какие истины будут они там утверждать... Но матери Дзиу можно не беспокоиться: хорошим, добрым, славным человеком растет ее сын.

Здесь, как видим, наблюдаются интересные жанровые процессы: осетинский рассказ, как и повесть, стремится вобрать в себя особенности эпического мышления, стремясь исследовать человека как совокупность общественных отношений, проанализировать глубинные связи, органическое единство личного и социального как разных аспектов единой человеческой субстанции. Человеку, зовут его Дзиу или Алан, Чермен или Таймураз, подросток он или старик, свойственно стремление отразить в себе, в своем поведении «общий порядок вещей», т.е. всеобщность бытия человечества. Так он взрослеет, мужает, несмотря на возраст: человек как бы ищет себя, свое место в мире, – и это очень символично сегодня.

И вот эти постоянные его искания, формы или возможности его самоутверждения в жизни, как момент эпически и этически важный, существенный, и отражает современный осетинский рассказ, обогащая свой собственный нравственно-эпический кругозор, философский потенциал, расширяя границы своих функций и жанровый диапазон. Усиление же эпического начала в рассказе, стремление освоить не свойственную ему романную масштабность и глубину обогащает социальный анализ рассказа, историзм художественного мышления, укрупняет масштабы и философскую значимость художественной концепции человека и действительности.

И это новое в жанровой сути осетинского современного рассказа определяет и стратегические искания основного, нравственно-этического направления литературного процесса вообще.

Писатель пишет и сказки для детей. И сказки его, как правило, добрые. В них автор трактует жизненный опыт как важнейшее социальное приобретение, творение добра как главная жизненная позиция – такова идея всех его сказок.

Главными героями сказки «Зверь, которого никто не боялся» [2] являются Щенок, совсем еще юный, мало что в жизни познавший, потерявшийся в лесу, и разные звери, с которыми он встретился в поисках обратной дороги. При этом он придерживался единой мысли: «если заблудился, все равно нужно куда-то идти; ведь если все время идти вперед, хоть куда-нибудь да придешь». Также он сам себе мысленно дал установку: «и нечего скулить; сумел заблудиться, сумей и разблудиться».

И воля юного Щенка победила. Правда, не вдруг и не легко, прежде он получил хороший жизненный урок и познал жизнь. Так, встретив Зайца и досмерти напугавшись его, он вдруг понял, что и Заяц его не на шутку испугался.

Изначально у них разные философские установки. Если Заяц полагает, что каждый обязательно должен кого-то бояться: один – другого, другой – третьего и т.д., – то философия жизни Щенка иная. Он уверен, что никто никого не должен бояться. Более того, один должен помогать другому; другой – третьему. Устав бояться, он пришел к выводу, единственно верному в сложившейся ситуации, когда нормой жизни зверей в лесу был всеобщий страх: «так жить нельзя, и бояться я больше не хочу». С этой мыслью он пошел искать самого страшного в лесу, полагая, что перестав бояться самого страшного, перестанет бояться вообще. Так Щенок попал в берлогу Медведя, которого сразу же из опасных врагов превратил в доброжелательного друга, излечив его от банального радикулита. Когда же Щенок своим лаем напугал и прогнал прочь страшных волков, звери стали благодарить его.

Щенок, несмотря на то, что жизненный опыт его был мизерным, преподал всем большой урок, дал всем в лесу пример другого образа жизни. Он первым внушил им мысль о необходимости жить в мире.

В конце концов доброта Щенка спасла его. Автор уверен, что добрые мысли передаются на расстояние. Звери сообща решили: мы должны ему помочь, ведь он нам тоже помог. Мы должны помочь ему найти обратную дорогу домой. И с этой мыслью Ворон ворочался в своем гнезде, Кабан все бродил и бродил по лесу. Сам же Щенок так тосковал, что увидел во сне собаку – маму, которая и подсказала ему обратную дорогу домой.

Об ответственности человека за свои поступки и поведение в мире, в среде себе подобных; о доброте, человечности, совести размышляет писатель и в других своих сказках для детей. Это такие как «Царь с шестью хвостами», «Травоядный зверь Убрых», в пьесе для детей «Силач, богач и сирота Дзиго».

В повести «Второе пришествие» писатель разрабатывает весьма актуальную в последние десятилетия нравственно-этическую проблематику [1, 390-437]. Сюжет повести прост. Инженер Сергей Буров, стройный, статный 27-летний красавец, через четыре года после окончания столичного престижного вуза получил приглашение на встречу с бывшими однокурсниками. В ожидании своего рейса он сидит в аэропорту и, вспоминая свою прошлую жизнь, размышляет о жизни вообще и о своей в частности.

Разные моменты своей жизни вспоминает герой. Вот он со своими друзьями-однокурсниками летом помогает колхозу в уборке урожая. Удивительно легкой и беззаботной казалась тогда жизнь молодому человеку. Вспоминает распределение. Неплохо тогда устроились его друзья, как кажется герою. «Твои друзья, но не ты, – зло нашептывает герою внутренний голос, – тебе не повезло – послали в глушь, в дыру». Самому же герою, получившему направление в далекий незнакомый край желтых гор, председатель госкомиссии заметил:

«Это перспективное производство»... И добавил: «Ваша судьба в ваших руках».

Автор в своей повести развивает очень важную мысль: судьба человека действительно в его собственных руках. Где бы, в каких бы обстоятельствах человек ни оказался, от его собственной жизненной позиции, от его активности в жизни, от его заинтересованного отношения к ней и к себе, к окружающим людям и ситуациям зависит во многом каждая конкретная человеческая судьба.

Сергей Буров четыре года сидел за чертежной доской и думал: это все временно. Он ждал, ждал пассивно какого-то случая, уверяя себя, что в конце концов выдаст что-нибудь оригинальное, и для него побежали однообразно утомительные дни в ожидании удачи, славы и успеха. Он жил и в общезнании. «Ты как на вокзале живешь, – упрекал его комендант, – создай уют для себя, – поучал он молодого специалиста, – чтобы жизнь тебе в радость была, а не в тягость». Но герой не находил в себе силы и мужества, житейской мудрости и даже элементарной человеческой потребности вжиться, вписаться в новую для себя реальность, стать близким другом, родным человеком для тех людей, которые волею судьбы оказывались рядом с ним все эти четыре года. Да в принципе он таким был и всегда, всю свою недолгую предыдущую жизнь. Никогда у него не было глубокой привязанности ни к своим друзьям, ни к любимой девушке, которая долго страдала от разлуки с ним, в честь его назвала своего сына Сережей, как бы не желая разрыва со своим прошлым, пытаясь сохранить мечты своей юности и свои удивительно нежные чувства к этому пустому и в общем-то ничемному в жизни избраннику Сергею.

А Буров действительно оказался таким. Почему? – размышляет писатель. Человек – не шишка на ровном месте, какое место в жизни он ни занимал бы, каким бы незначительным на первый взгляд делом он ни занимался. И человек, начиная жить, должен прежде всего ощутить глубочайшую ответственность за свое индивидуально-частное бытие. Только так, таким

образом и способом формируется в его душе глубоко нравственное отношение к жизни вообще и к своей в частности. Только так рождается в его сердце нравственный стержень, который предопределяет все его дальнейшие в жизни поступки, его характер и судьбу, – уверен автор. «В юности жизнь кажется неоглядно просторной, до краев наполненной будущим, – размышляет он, – и все, что должно случиться с тобой, может быть только завтра, и за этим абстрактным завтра снова видится безмерная вечность» [1, 406].

Уже начиная жить, человек должен понять одну очень важную мысль: жизнь человеческого организма – это не просто идеальное функционирование печени, почек, вестибулярного аппарата. Не впадая в сферу дидактики, писатель подводит своего читателя к главному выводу: жить – значит быть постоянно ответственным и заинтересованным участником общечеловеческого жизненного процесса на земле, где бы ты в данный момент вечности ни находился – в столичном городе или в стране желтых гор. И если уже судьба так распорядилась, что в данный момент вечности ты оказался именно в стране гор, в этой глуши и дыре, то сделай так, чтобы стать верным сыном ее. И тогда она не будет в твоём сердце просто абстрактной пространственной точкой на карте планеты Земля, а будет тебе домом. А люди, рядом живущие, мужественные, сильные, прекрасные и гордые, творчески мыслящие, такие как Кравцов, будут тебе братьями и близкими друзьями. И только так можно постичь, что же такое жизнь, в полной мере почувствовать ее аромат и смысл, ее безмерную ценность...

Так, писатель поднимает в своей небольшой повести очень важную нравственно-этическую проблематику.

Важно учесть, в какой мере в художественном произведении выделится образ автора, выразителя прежде всего определенной концепции. Ведь художественный характер, воссозданный в произведении, – та категория, которая и сохраняет, и определяет основные свойства целого – произведения (не зря же мы подчеркиваем жан-

рообразующую функцию художественного характера!).

Эту же тему развивает Тотров и в своем романе «Любимые дети» [3]. В романе художественно убедительно и многообразно показаны сложные неоднозначные связи людей разных поколений, разного мироощущения и психологических установок, разного жизненного опыта. Писатель специфически осмысливает новое в общественной жизни и общественном сознании. Такая диалектика существенно обогащает осетинскую литературу в целом и представляет ей новый, необычный жизненный материал.

Удивительно созвучны характеру сложного, полного противоречий времени неоднозначные духовно-нравственные искания героев романа Тотрова «Любимые дети». Прежде всего обратимся к представителям поколения отцов, показанных в произведении Тотрова, безусловно, талантливым, оригинальным, занимающем особое место в современной нашей романистике, посвященной сегодняшнему дню в жизни осетин.

Легкой, конечно же, жизнь этих людей никак не назовешь: много испытаний выпало на их долю. И, разумеется, это наложило определенный отпечаток на судьбу этих людей, на их характер, сформировало их, скажем так, народное мироощущение, мировоззрение, психологию творца-созидателя.

Роман начинается с того, что Алану – главному герою, от имени которого ведется повествование, – снится мать, строгая, и как всегда, задумчивая. Она озабоченно качает головой и говорит сыну, полная тревоги за его будущее: «Я перед тобой виновата, не так тебя воспитала» [3, 5].

Всматриваясь все внимательнее в лицо сына, женщина далее размышляет, и тревога ее при этом несколько не убывает, – она соотносит поведение и характер сына с теми идеальными представлениями о человеке вообще, которые сформировали в ее сознании нелегкие обстоятельства жизни ее поколения.

А может, это наследственность виновата, думает или проговаривает она, как снит-

ся сыну. Да нет, продолжает свою тяжелую думу мать уже с оттенком гордости и удовлетворения, в роду все были крестьяне. Причем последнее слово она выделяет особо интонационным строем. Сыну понятны и тревога матери, и особый недосказанный смысл материнских слов. Потому он поясняет читателю: пахали землю и пасли скот – это не все, что кроется за этими словами. Были праведными людьми прежде всего – вот что имела в виду мать.

Здесь, как видим, проявляются сложные, эпически масштабные народно-нравственные идеалы. Потому и форма выражения их в устах матери напоминает пословицы и поговорки: певец дом не построит, семьей не обзаведется, добра не наживет. Дом построить, семьей обзавестись, добро нажить – это своеобразные клишированные формулы в народном сознании, позволяющие выразить всю многозначную, сложную содержательность человеческой жизни на земле.

Логика движения художественного сознания народа через конкретное своеобразие его реального бытия, его динамика и диалектика рождает, как видим, новое качество литературного процесса. В результате формируется новый тип духовной культуры современных осетин, в которой общее, т.е. общечеловеческое, высвечивается через особенное, и особенное через общее, углубляется ее общечеловеческий, гуманистический смысл. Такая закономерность духовной культуры обуславливает значительный художественный процесс, в результате которого обогащаются и углубляются эстетические формы объективного познания жизни, в конечном итоге – концепция человека и действительности, формируемая как осетинской литературой в целом, так и рассматриваемым романом в частности. А это определяет новые перспективы, новые масштабы художественного мышления в целом.

Мысли матери, крайне озабоченной тем, что не сумела, как ей думается, научить сына относиться к жизни серьезно, вызывает у Алана улыбку: певец ведь тоже слово не из простых.

Конечно же, отношение сына к жизни по сути своей мало отличается от позиции «отцов». И весь роман написан так, чтобы показать исконно народные корни нашей современной жизни, раскрыть «времен связующую нить». Это по существу «зерно» романа, желание осмыслить в конкретных образах, живо воссозданных, причинно-следственную зависимость преемственных связей «отцов» и «детей».

Если тяжелой оказалась доля отцов, то не легче была и судьба детей: связаны-то они одной временной цепочкой.

Алан родился, когда отец на фронте кровь проливал. Младенцу пришлось три месяца без имени жить, пока не пришло письмо от отца, где он писал: «назовите сына Аланом». Это право отца, давшего жизнь ребенку. Право это тем более свято, что он стал на защиту своей родной земли, своей родины. В исторической памяти народа закрепилось, в его нравственно-этическом неписаном «кодексе» чести отразилось понятие самой большой человеческой и мужской доблести – защита отечества, родной земли от посягательств нечистой вражьей руки. Потому все в большой патриархальной семье терпеливо ждали слова отца.

Авторитет отцовского слова очень весом, ведь отец, как полноправный представитель своего поколения исполнил свой нравственный и человеческий, гражданский долг. Жизнь отца, простого труженика-пахаря, вся пронизана глубоким смыслом любви и братства: он сам всего себя отдавал людям и этого же ждет, настойчиво ждет от детей. Потому ответственность, которая ложится на плечи детей, огромна. Алан понимает всю меру и глубину ответственности, которая ложится на него и именем его: весомо оно. И это усугубляет бремя ответственности молодого человека. Но, как доказывает жизнь, он готов к ней.

Нравственно-народное сознание писатель исследует в двух ракурсах: с точки зрения отцов и с точки зрения детей, то есть как бы в двух измерениях: первое – отец-сын и второе, горизонтальное, – отцы

и дети, т.е. проблемы бытия каждого поколения рассматриваются как бы отдельно, сами по себе.

Но что удивительно и довольно приятно сознавать, ибо в этом вся суть человеческого прогресса, смысл человеческой жизни вообще, – это то, что оба измерения, имея одну общую шкалу исчисления, пересекаются в одной существенной точке: в ценностной в понимании жизненного назначения человека на земле. Вся разница лишь в масштабах социального опыта.

Опыт отцов богаче, особенно во временном измерении, опыт детей – в пространственном: пути Алана простерлись от улиц родного села, по которым он еще босоногим мальчишкой бегал ласковыми летними днями, до просторных площадей и проспектов столицы, где герой учился в институте. И тоскуют теперь его неутомные пятки по асфальтовым просторам городских улиц: так уж он устроен, вздыхает сам герой, осмысляя собственные поступки, – видимо, другой код в нем заложен.

Естественно, границы и своеобразие мировидения у них несколько отличны.

Мысль матери о том, что певец дом не построит, семьей не обзаведется, добра не наживет, отрицается не улыбкой сына, с которой он смотрит на сомнения матери, а его уверенной позицией, что певец – тоже слово не из простых. Хотя здесь отрицается не народный нравственно-этический идеал, – напротив, он утверждается и представителем поколения детей, но с новой корректировкой, с более обогащенным жизненным содержанием. Это подчеркивается и отношением сына к своему имени.

Вспоминая себя маленьким, когда он только-только начал себя ощущать, пока с удивлением, с некоторым недоумением, припомнил герой свое особенное душевное состояние, связанное с восприятием собственного имени, которое до сих пор звучит для него необычно, словно утверждаясь в мире, и он задумывается о той удивительной связи, которая существует между ним и этим словом, этим обозначающим его созвучием.

Дело в том, что в народном сознании понятие имени в определенном смысле табуированное. Встречая на улицах родного села стариков после приезда домой с дипломом столичного вуза и приветствуя их по традиции, услышал, как те в один голос повторяют: «Сын Байсангура? Как вырос, настоящий мужчина!» [3, 53] И внутренний голос героя резюмирует: права называться своим именем я еще не заслужил. К завоеванию такого права Алан идет всю жизнь, начиная с детства, когда мать наливает в медный таз холодную воду и сама со смехом наблюдает за сыном, который, опуская в воду ноги, съеживается, не заметив смеющегося лица матери, выпрямившись, разом опускает ноги и победно улыбается.

Но долог и труден путь, который приведет героя к той степени нравственной и гражданской зрелости, когда станут привычно обращаться к нему по имени-отчеству. Много испытаний он преодолеет, научится определять добро и зло, помогать слабым, беспомощным, наказывать хапуг, негодяев, отказываться от своих заслуженных прав – хотя бы на квартиру, в пользу других...

Но смог ли стать Алан таким, не будь перед ним пример отцов, Чермена, старшего брата, не будь в нем самом заложено то большое нравственно-духовное начало, идущее из опыта отцов и тысячами невидимых нитей с ними связанное?

Брат Чермен на десять лет всего старше Алана. Когда отец ушел на фронт, он был единственным мужчиной в доме. Поэтому не удивительно, что на его хрупкие мальчишеские плечи легли все далеко не детские заботы. Вместе с уходом отца на войну, сразу оборвалось его счастливое беззаботное детство. Алан, вспоминая Чермена тогдашнего, отмечает, что не помнит брата, сидящего без дела, с праздным настроением: он всегда находил себе дело: то заготавливал дрова, то возился в огороде, то чинил обувь братьев...

Герой мысленно видит себя стоящим перед старшим братом и не решается взглянуть ему в глаза: получил тройку по арифметике и стало вдруг ему стыдно, это из-за

него с Таймуразом, младшим братом, оставил Чермен школу. А Чермен отрывается от работы, медленно поднимает голову, проводит по щеке жилистой рукой и мигает беспомощно: «путаюсь я, не пойму, то ли братья они мне, то ли дети...», – и улыбается чуть заметно.

Сейчас по прошествии многих лет, наполненных разным содержанием, и плохим, и хорошим, Алан смотрит на младшего своего брата Таймураза, большого, сильного, умного, и впервые осознает, что неспроста тот выше его и неспроста оба они выше и крупнее Чермена, что есть в этом жестокая закономерность.

Сознание ребенка явления жизни постигло раньше, чем он понял значение слов, понятий, наверное, потому, что наша отдельная, субъективная память – продолжение общей, народной памяти.

Ребенок не знает, что почтальон принес в их дом «черную» бумагу и что люди оплакивают его отца, якобы погибшего. Ворота перед домом распахнуты, перед домом стоит, строгий и неподвижный, Чермен, мальчишка в куцем выгоревшем пиджаке. Люди заходят и останавливаются перед ним, – так испокон веков осетины выражают соболезнования. На старшего брата недоуменно, с мольбой и надеждой снизу вверх смотрит Алан, и он кладет руку на голову младшего. Тепло его руки и безоглядная вера в могущество старшего успокаивают ребенка. Но ему еще страшно, и он жмется к ногам Чермена.

Вот что, оказывается, помогло ребенку вместе, что называется, с молоком матери впитать в себя истоки добра, вот что помогло ему приобщиться к народным нравственно-этическим нормам и представлениям, что сформировало суть его последующей духовности.

И еще. Воспоминания о молодом лице матери, наполнившей его детскую тогда душу чувством счастья. Память, по только ей известным законам, вопреки объективному ходу времени, возвращает не только прошлый закат: багровое солнце, оцепеневшее над горами, ленивую тучность летнего вечера, горячую пыль под босыми ногами,

но и зов матери: «А-ла-а-ан!» и радостный стремительный бег к дому. Время, оказывается, совсем не кладбище секунд, минут и часов, а жизнь человеческая, раздвинутая в одну цепочку, из которой попробуй изъять хотя бы одно звено, попробуй вычеркни Чермена (а это целое поколение со своей, очень нелегкой, судьбой) или мать с отцом!

И, несмотря ни на что, приходит к выводу Алан: мы – счастливая семья. Именно эта общность духа делает их счастливыми. Помнит герой, как мать шьет ему рубашку еще из довоенных ситцевых лоскутков, примеряет ее на ребенке, тот с радостным визгом бежит к Чермену. Старший брат поднимает его и несет в дом. Когда же ему теперь говорят, что этого он помнить не может, поскольку был очень мал тогда, а помнит только то, что об этом случае ему рассказывали, Алан смеется: выходит, мол, черпаю свои воспоминания из ваших запасов воспоминаний.

Но так в принципе и есть. Вот стоит он, мальчишка, привалившись плечом к теплому стволу вишни, и из глубины сада наблюдает за отцом, который забивает и вытаскивает колышки, высчитывая что-то, и голос его раздастся: «Чермен, Алан, Таймураз...» Это значит – отец строит дом для сыновей. Мальчишка вдруг ощущает беспричинную радость в себе и знает, что это будет всегда: теплый ствол вишни, мать, стоящая на веранде, отблеск зари на лице отца и эти имена как стены крепостной башни: «Чермен, Алан, Таймураз...»

Вот она, идея Большого Дома, взлелеянная отцом, который хотел совместить во времени несколько поколений, жить как в старину, одной большой семьей: дети-внуки-правнуки... И надо подчеркнуть, что в этой своей мысли отец укрепился еще на войне (что еще может противопоставить ей крестьянин, оторванный от любимого, эпически сродственного ему дела и сидящий в окопе, ожидая пули?). Так своеобразно и оригинально в романе развиваются пацифистские, гуманистические идеи.

Вообще эпически масштабной и значительной предстает в романе фигура отца, который из года в год делает одно и то же

дело: сеет и собирает урожай, и поэтому время его остановиться не может. Он никогда не занимал никаких должностей, поэтому, естественно, на пенсию не уйдет. Он всю жизнь растил хлеб, а значит время безвластно над его делами и самой жизнью.

Образ отца в известной мере символичен: он – своеобразный предтеча современной нашей духовности, носитель лучших черт своего, «отцовского» поколения и народа в целом. Вот откуда, оказывается, у сына уверенность, что не каждого десятого надо убивать, как было в прошлой войне, а убить одну десятую в каждом, – тогда и станет в мире зла меньше. Мир же станет несравненно лучше, чище, благороднее.

Как видим, отцовские духовные гены дело свое сделали: сформировали своеобразную модель бытия детей, но по своему образу и подобию. То есть поколение отцов свою основную историческую миссию выполнило: передало духовность, вековые нравственные идеалы следующему поколению.

Побывав в горах, в родовой башне предков, сын, духовный наследник всех прошлых поколений, когда-то здесь живших, сильно разволновался, вдруг ощутив всю неимоверную тяжесть ответственности, легкой на его плечи от того наследства, ибо осознал, что в его жилах течет та же кровь, которая застыла в их. И он, как бы принося клятву верности памяти их, прикоснулся к теплому камню, вбирая в себя его тепло.

Свою причастность к большому роду Алан осознает и по-другому. Он знает, что одна из комнат в черменовской пристройке предназначается ему и считается его, хотя живет герой в городе, где у него однокомнатная квартира. И знает он, как бы плохо ни было ему, он всегда сможет вернуться сюда: здесь его любят, помнят и ждут.

Но все же, несмотря на это, несмотря на то, что в другом, городском, мире приходится ему за все платить, – не только за квартиру, но и за отпор хамству, и всегда очень дорого, – герой не спешит возвращаться под родительский кров, где тепло и сытно. И не потому, что в него, как он сам утверждает, была вложена другая, но-

вая программа, и пятки его тосковали по асфальтовым городским тротуарам, и уже бляение овец, кудаханье кур и собачий лай не казались стройной симфонией жизни.

Герой уверен, что существует два равноправных и разнозначных субъекта бытия, два творца жизни: это изначально отец и как продолжение – сын. Конечно же, их объединяет дух, духовное богатство прошлого, прошлых поколений, он их роднит, а не просто кровные узы.

Потому герой, понимающий, что основу, то есть корни и ствол пышного генеалогического древа человек получает в наследство от отца, а о зеленых ветках и нежных листьях должен позаботиться сам, все же не раз задумывается о том, может ли его городская однокомнатная квартира сама стать Большим Домом? Может ли в ней реализоваться идея Большого Дома, то есть взойдет ли его, Алана, собственное генеалогическое древо? Ведь его, как бы к тому не относиться, каждый сам творит, ежечасно, ежедневно, что-то утверждая, что-то отрицая, т.е. занимая конкретные нравственные позиции.

Герой не просто рассуждает об этом, но и на деле доказывает право и возможность выбора собственного пути на земле предков. Самим образом жизни, который он активно утверждает, Алан противостоит не только эгоистической и в чем-то опасной для общества, ограниченной жизненной философии своего непосредственного шефа, но и откровенно мафиозным дельцам типа Гераса, морали его второй жены Тамары, видящей смысл жизни только в изощренном искусстве добывания модной мебели и вещей и преуспевающей не только в этом, но и в спекуляции.

Стремление к успеху любой ценой – не в характере героя. Он явно относится к той группе людей, для которых деньги, богатство, добытое нечестным путем, дурно пахнут. Поэтому он противостоит всем поступкам людей, которые придерживаются других правил в жизненной игре. Правда, делает он это не всегда умело и умно. И тем самым часто вводит людей в заблуждение, вызывая у них некоторую насто-

роженность. Но узнав героя лучше, многие испытывают к нему и большое уважение, и большую человеческую привязанность. Вспомним отношение к нему сотрудников, парализованной девушки Зарины и ее матери.

По-разному относится Алан к красивой секретарше директора Майе, к жене столичного светила Люде и к парализованной девушке Зарине. Лучшие качества своего характера и богатства души проявляет он в отношении к Зарине. Герой, познакомившись с больной девушкой, остро ощутил чувство вины, словно несчастье ее и его собственное благополучие связаны между собой каким-то образом. И это очень важное свидетельство его нравственной зрелости, нравственного возмужания.

Или другой момент. Испугавшись того, что его признали мужем парализованной девушки, он вскрикнул: «Я не муж!» И тут же в отчаянном вопле своем герой улавливает нечто более общее, присущее многим из нас, готовность участвовать в игре в благородство лишь до какого-то разумного предела, то есть до тех пор, пока это ничем не угрожает ему самому, его благополучию, благоденствию. Герой разоблачает себя и осуждает, потому что приносит это ему нравственные страдания, обжигает стыдом.

О гражданской же зрелости его говорят другие факты, когда, пренебрегая возможностью собственного благополучия, собственной выгоды и карьеры, он начинает спорить с шефом, с администрацией.

Алан очень чуток к проявлению человеческой доброты к нему, любви во взаимоотношениях людей вообще. Заметив, как ему рады пассажиры автобуса, его односельчане, рады ему лишь за то, что он живет на свете, он понемногу оттаивает и обнимает соседку. Именно она, эта человеческая доброта и людская любовь настраивают его на излюбленные философские размышления: «что есть я, мы, вы? Сколь велико и постоянно число «мы»?»

Герой, столь ответственно подходящий к осмыслению своего человеческого и жизненного предназначения на земле, думает-

ся, действительно сумеет взрастить собственное генеалогическое древо, ибо и корни у него удивительно здоровые и сильные.

Алан понимает, что жизнь, подобно капризной сказочной красавице, порой бывает очень своевольной; рано или поздно она заставляет каждого сделать серьезный и ответственный выбор. Когда старшему брату пришла пора жениться, Чермен засучил рукава и стал строить дом. И через некоторое время к старому отцовскому саманному дому пристроился веселый, молодой задорный кирпичный красавец, как бы возвещая миру о своем желании жить долго и счастливо. Под свое крыло принял он и младшего брата, Таймураза, школьного учителя с его молодой женой.

Общему эпическому масштабному стилю повествования романа удивительно гармонично соответствует манера сказа, придающая всему строю звучания философскую настроенность и лирическую тональность. Особенно это заметно в начале и в конце романа. Скажем, в начале романа, в первых эпизодах, когда герой повествует о том, как ему снится мать: «...как бы за столом сидит она, как бы сидит она за столом в нашем старом деревянном доме, а я сижу напротив и в то же время вижу себя как бы со стороны, вижу себя и ее сидящими за столом и слышу голос...» [3, 2]

Соотношение эпического и романного начал в романном целом – очень сложное явление. Роман одновременно и крупная

повествовательная форма, в то же время и современная форма эпики, суть которой в том, что в ней современный человек находит адекватное выражение системы своих связей с миром в сложнейших ситуациях сегодняшней жизни.

В данном случае эпическое начало в романе позволило экономно выразить существеннейшие закономерности реальной действительности. И, конечно же, постоянную доминанту человеческой жизни, в которой, как в капле воды, отражается всеобщность бытия человечества. То есть вечную диалектику части и целого, общего и особенного. И поэтому здесь, на стыке двух сложнейших процессов современного художественного сознания: эпического и романного мышления, сосредоточены все существеннейшие идейно-художественные искания осетинской прозы последних десятилетий. Так, роман исследует единство личного и социального как разных аспектов духовной субстанции человека.

Произведения же Р.Х. Тотрова в целом отражают глубинные закономерности осетинской национальной жизни. Образное воспроизведение действительности в них является основополагающим творческим принципом писателя. В то же время они раскрывают масштабные исторические события и их роль в жизни осетинского народа на одном из важнейших магистралей истории, – послевоенной действительности и современности.

1. Тотров Р. Дикая груша: Роман. Рассказы. Повесть. Орджоникидзе, 1986.
2. Тотров Р. Зверь, которого никто не боялся. Орджоникидзе, 1984.
3. Тотров Р. Любимые дети: Роман. М., 1980.